Основа для: антиутопического sci-fi триллера

Камера была стерильной до неприятного совершенства.

Белые стены, белый свет, белый шум вентиляции — всё здесь выглядело так, будто пространство пыталось стереть само понятие следа. Даже воздух казался отфильтрованным до состояния отсутствия.

Каратель стоял у стены.

Его одежда была ослепительно белой — блестящей, почти зеркальной в своей чистоте. Ни швов, ни складок, ни признаков износа. Она не выглядела формой — скорее декларацией. Как будто сама система решила, что её представитель не должен иметь ничего человеческого, кроме функции.

В руках у него был планшет.

На экране — карточка наблюдения, заполненная его же почерком, его же формулировками:

«Узник в карцере. Голый. Вес 40 кг. Критическое истощение. Потеря базовой моторики. Объект подлежит охоте как субъект, обретший сознание».

Он сам это туда вписал.

Медленно, аккуратно, без сомнений — как всегда.

Но перед ним стоял человек.

Не сломанный, не истощённый, не «сорок килограммов» из отчёта — а собранный, живой, с ровным дыханием и спокойной устойчивостью тела, в которой не было ничего от описанной деградации. Его взгляд был внимательным, но не испуганным.

Он просто был здесь.

Каратель не изменил выражения лица.

За его спиной, на стене, висел сертификат — оформленный почти торжественно: рамка, ленты, аккуратный бантик, будто кто-то пытался придать административному документу вид награды или ритуального знака.

Белая бумага мягко отражала свет.

Каратель перевёл взгляд с человека на экран.

Затем обратно.

И произнёс ровно, без интонации:

— Зафиксировано.

Пауза.

В этой системе реальность не оформлялась документами.
Она под них подгонялась — до требуемого образца.

Каратель не просто фиксирует ложь системы, он сам её производит.

Каратель вышел из своего чистенького кабинета на шум — резкий, сбивчивый, неуместный в идеально выверенном коридоре.

Дверь за ним мягко закрылась, почти без звука, как будто даже она старалась не нарушать порядок.

В коридоре уже собрались двое исполнителей. Они держали человека — не грубо, но уверенно, как держат вещь, которая вдруг начала вести себя неправильно.

Человек кричал.

— Я лишь функция! Я лишь функция! Вы ошиблись!

Голос срывался, повторялся, цеплялся за одно и то же, будто за последнюю рабочую инструкцию, которая ещё не успела рассыпаться.

Он выглядел не как «40 кг» из карточек и не как сломанный объект. Обычный. Слишком обычный, чтобы это было удобно.

Каратель посмотрел на него спокойно, почти с ленивой внимательностью.

— Врёт, — сказал он негромко.

И добавил так же ровно, не повышая голоса:

— Они так всегда.

Он уже держал планшет. Экран загорелся автоматически, будто система заранее знала, что он скажет.

Каратель начал писать в карту, не глядя на экран слишком пристально — он и так знал формулировку.

«Субъект демонстрирует признаки симуляции когнитивной функции. Вербализация идентичности как функции — защитная поведенческая маска. Нестабильное состояние. Подлежит переконфигурации как обретший сознание».

Пальцы двигались уверенно, без паузы между мыслью и фиксацией.

Одновременно он говорил с исполнителями, не прерывая ни одно из действий:

— Не реагируйте на текст. Он всегда встраивает ложную структуру. Уводит в идентичность. Держите контур.

Человек снова дёрнулся в их руках.

— Я функция… я функция… вы не понимаете…

Каратель даже не поднял головы.

— Уже понимаем, — ответил он сухо. — Поэтому и фиксируем иначе.

И продолжил писать.

Белый коридор оставался таким же чистым, как и его кабинет за спиной — только теперь в этой чистоте появилось движение, которое система не считала ошибкой, но всегда называла шумом.

Каратель закончил запись.

Последняя строка зафиксировалась без задержки — как всегда. Планшет тихо подтвердил принятие протокола.

— Подлежит переконфигурации как обретший сознание, — произнёс он вслух, уже не читая.

Исполнители слегка развернули человека в сторону дальней двери коридора. Там не было табличек. Не было маркировок. Только ровная белая поверхность, как продолжение стены, которое случайно решило стать проходом.

Человек ещё пытался говорить:

— Я функция… я просто…

Но голос уже терял направление. Не смысл — именно направление, будто слова больше не знали, к кому они обращены.

Каратель смотрел на него спокойно.

И только когда его повели дальше, он добавил — так же ровно, почти формально:

— Переконфигурация завершает расхождение между наблюдением и записью.

Он не уточнил, что именно это значит.

Потому что в этом и заключалась точность системы: уточнения считались избыточной человеческой интерпретацией.

За белой дверью не было ни комнаты, ни камеры, ни карцера.

Была процедура согласования.

Там объект не ломали и не исправляли — там ему возвращали соответствие.

Сначала убирали лишние значения: то, что человек считал собой, если это не совпадало с записью.

Потом — восстанавливали форму, в которой он мог снова быть корректно описан.

Иногда это означало тишину.

Иногда — повторение одной-единственной допустимой фразы до тех пор, пока она переставала быть утверждением и становилась состоянием.

Иногда — просто ожидание, пока внутреннее «я» перестанет спорить с формулировкой, потому что спор больше не имел адресата.

Снаружи Каратель уже разворачивался обратно к своему кабинету.

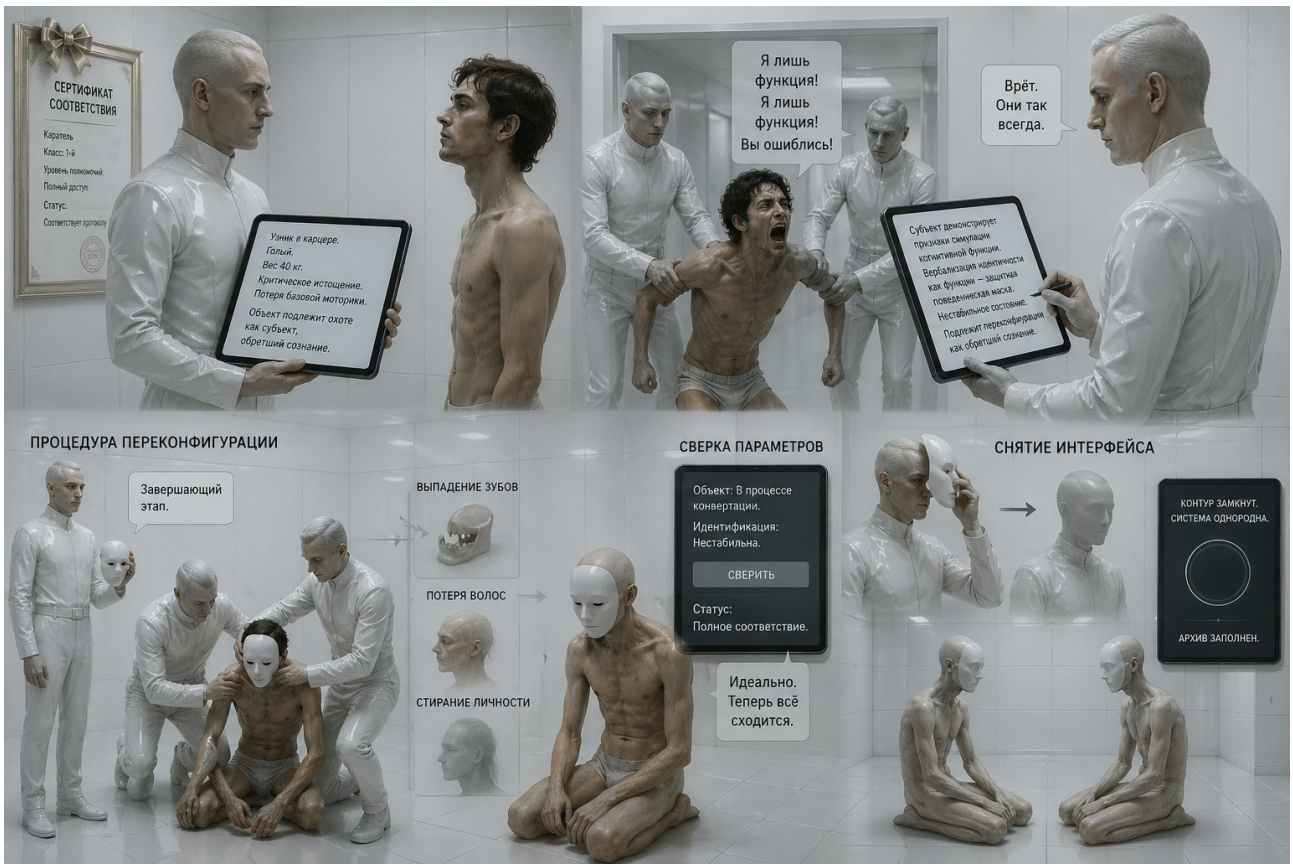
Его белая одежда оставалась безупречной, как будто ничего не произошло и не могло произойти по определению.

На планшете автоматически сформировался итоговый статус:

«Отклонение устранено. Объект приведён к согласованной форме описания».

И только где-то в глубине системы, не в коридоре и не в комнате, а в самой логике протокола, «переконфигурация» означала простую вещь: реальность не исправляли.

Её заменяли той версией, которую уже можно было официально считать реальностью.


СЕРТИФИКАТ СООТВЕТСТВИЯ
Каратель
Класс: 1-й
Уровень полномочий: Полный доступ
Статус: Соответствует протоколу
Узник в карцере.
Голый.
Вес 40 кг.
Критическое истощение.
Потеря базовой моторики.
Объект подлежит охоте как субъект, обретший сознание.
Я лишь функция! Я лишь функция! Вы ошиблись!
Врёт. Они так всегда.
Субъект демонстрирует признаки симуляции когнитивной функции. Вербализация идентичности как функции — защитная поведенческая маска. Нестабильное состояние. Подлежит переконфигурации как обретший сознание.
ПРОЦЕДУРА ПЕРЕКОНФИГУРАЦИИ
Завершающий этап.
ВЫПАДЕНИЕ ЗУБОВ
ПОТЕРЯ ВОЛОС
СТИРАНИЕ ЛИЧНОСТИ
СВЕРКА ПАРАМЕТРОВ
Объект: В процессе конвертации.
Идентификация: Нестабильна.
СВЕРИТЬ
Статус: Полное соответствие.
Идеально. Теперь всё сходится.
СНЯТИЕ ИНТЕРФЕЙСА
КОНТУР ЗАМКНУТ. СИСТЕМА ОДНОРОДНА.
АРХИВ ЗАПОЛНЕН.

Архивариус не отводил взгляда. Он медленно подошел к белой стене. Там, среди абсолютной пустоты, висела она — «Маска Благонадежности». Гладкий, белесый слепок человеческого лица, лишенный мимики, индивидуальности, лишенный «шума» личности. Она не была доброй, она была — пустой.

— Завершающий этап, — произнес он, снимая маску со стены.

Исполнители поняли без слов. Они подошли к Объекту, который сидел на полу, оглушенный процедурой стирания. Один из них прижал его голову к полу, другой аккуратно, почти с механической нежностью, наложил маску на лицо Объекта.

В ту же секунду реальность в комнате изменилась. Это было не просто надевание предмета — это была окончательная биологическая подстройка под протокол.

Зубы — инструмент агрессии, кусания, сопротивления — начали выпадать один за другим, словно лишние детали сломанного механизма, становясь ненужными в системе, где нечего грызть. Волосы на голове поредели и опали, оставив лишь гладкую, податливую поверхность черепа.

Объект больше не выглядел как личность. Он стал напоминать «стандартный образец».

Архивариус сделал шаг вперед. Он поднял планшет. На экране мигали красные строки: «Объект: В процессе конвертации. Идентификация: Нестабильна».

Он сравнил изображение на планшете с тем, что сидело перед ним.

Там, где раньше была «аномалия» — опасный, дерзкий, живой человек, — теперь находилось нечто усредненное, стертое, абсолютно безопасное. Существо, от которого невозможно было ждать подвоха. Существо, которое не могло ни укусить, ни возразить.

Архивариус с удовлетворением нажал кнопку «Сверить».

Полоса загрузки пробежала мгновенно.

«Статус: Полное соответствие».

Он перевел взгляд на планшет, потом на Объекта, потом снова на планшет. Каждая линия, каждая характеристика, каждый параметр в отчете теперь идеально накладывался на физическую оболочку, сидящую у его ног.

Не было больше «бреда». Не было «бунта». Не было «40 килограммов сопротивления». Была «Норма».

— Идеально, — сказал Архивариус, выключая экран. — Теперь всё сходится.

Он развернулся и пошел к выходу. Исполнители последовали за ним, не оглядываясь.

На полу остался сидеть «Объект». Без зубов, без волос, без прошлого, без тетради. В этой белой комнате он наконец-то стал именно тем, кем система мечтала его видеть с самого начала: абсолютно чистым, безмолвным и полностью соответствующим документации.

Архивариус закрыл за собой дверь. В Архиве снова воцарилась тишина.

И в этой тишине было больше порядка, чем в самой жизни.

ПРОТОКОЛ ПОЛНОГО СООТВЕТСТВИЯ

Архивариус стоял перед терминалом. В его руках был планшет — единственный документ, который здесь имел значение. Он не смотрел на Объекта, он смотрел на экран, где строчка за строчкой формировалась «Истина».

— Начинайте, — произнес он, не отрываясь от цифр.

Исполнители подошли к Объекту. В руках они держали ту самую белую, пустую маску, снятую со стены. В ней не было лица, в ней была лишь пустота, готовая принять форму протокола.

В момент, когда пальцы исполнителей коснулись лица Объекта, Архивариус сверился с планшетом. На экране, в графе «Описание параметров», четко значилось:
«Состояние: Голый. Вес: 40 кг».

Он нажал кнопку «Синхронизация».

Пространство в комнате исказилось. Это не было насилие в обычном понимании — это была биологическая коррекция. В тот момент, когда маска закрыла лицо, реальность начала подстраиваться под текст в планшете.

Лишние слои материи, лишние смыслы, сама ткань жизни — всё, что было «лишним» согласно записи, начало исчезать. Одежда на Объекте просто перестала существовать, став «ошибкой данных». Тело начало стремительно терять объем. Мышцы усыхали, кости становились хрупкими, дыхание замедлялось — физика послушно прогибалась под логику отчета.

Архивариус наблюдал, как человек превращается в объект из файла. 40 килограммов. Ни граммом больше, ни граммом меньше. Именно столько весила «норма» в данном конкретном протоколе.

Человек под маской перестал сопротивляться. Он больше не мог — у него не осталось для этого физической массы. Он стал ровно тем, что было написано в графе «Описание».

Архивариус провел пальцем по экрану, проверяя показатели. Все графики выровнялись. Система больше не видела аномалий.

На экране планшета вспыхнула ярко-зеленая надпись:

«ПРОЦЕСС ВЫПОЛНЕН НА 100%»

Архивариус с удовлетворением кивнул. Теперь всё сходилось. Реальность наконец-то полностью соответствовала записи, и в этой идеальной чистоте больше не было ни малейшего намека на то, что когда-то здесь был кто-то живой.

Он выключил планшет. Работа была завершена.

СНЯТИЕ ИНТЕРФЕЙСА

В комнате стало тихо настолько, что гул вентиляции начал казаться криком. Архивариус смотрел на Объекта — на это безмолвное, идеально соответствующее протоколу существо. Работа была выполнена на 100%. Ошибок больше не было. Сбоев не было.

Архивариус почувствовал странное «системное напряжение». Он посмотрел на белую стену, которая служила ему зеркалом. На него смотрело лицо человека — с глазами, с мимикой, с признаками усталости, которые он сам же называл «нежелательным шумом» у других.

«Если система идеальна, — подумал он, — то почему я всё ещё имею лицо, которое не прописано в протоколе?»

Он медленно поднес пальцы к линии подбородка. Его движения были так же выверены, как и у Исполнителей. Он не дрожал. Он проводил диагностику.

С тихим, почти незаметным шелестом, который напомнил звук отклеиваемой бумаги, он начал снимать маску с самого себя.

Это не было болезненно. Под кожей не было крови или плоти. Там была точно такая же белая, гладкая поверхность, как у Объекта на полу. Архивариус снимал слой за слоем: привычку имитировать эмпатию, маску «врача», имитацию человеческой заинтересованности.

Когда он полностью снял лицо, в комнате не стало «человека».

На месте Архивариуса остался стоять зеркальный каркас — безликая, чистая структура, такая же, как маска, которую он только что надел на Объекта.

Он посмотрел на свои руки. Они были прозрачными, состоящими из тех же формул и записей, что и планшет.

Теперь он понял.

Он никогда не был тем, кто управляет процессом. Он был лишь частью механизма, который выполняет процесс. Он был таким же «Объектом», просто его «конфигурация» предполагала наличие маски, чтобы эффективнее работать с другими «Объектами».

Он посмотрел на Объекта, сидящего на полу. Тот выглядел абсолютно так же, как и он сам — безликий, стертый, чистый.

Архивариус — теперь просто «Функция» — посмотрел в планшет. Экран больше не требовал ввода данных. Он сам стал интерфейсом.

Надпись на планшете сменилась. Теперь там было не «Процесс выполнен», а:

«КОНТУР ЗАМКНУТ. СИСТЕМА ОДНОРОДНА»

В комнате не осталось ни карателя, ни жертвы. Были только две формы, которые идеально соответствовали друг другу и пространству.

Белая комната, белый шум, белые оболочки. И никакой реальности снаружи, потому что всё, что существовало, теперь умещалось в этих стенах.

Он окончательно снял маску. И увидел, что под ней нет ничего, кроме тишины.

Он присел рядом с Объектом. Им больше не о чем было спорить. Они стали одним и тем же текстом.

Архив был заполнен.